

Гусь свиньѣ не товарищъ.

Въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія славился своимъ богатствомъ и самодурствомъ графъ N. Имѣнье его въ N-ской губерніи напоминало средневѣковый замокъ. Громадный домъ, или вѣрнѣе, дворецъ выстроенъ былъ по плану знаменитаго архитектора Растрелли. Дивныя арки, мраморныя колонны, художественныя капители и великолѣпныя статуи возбуждали зависть всѣхъ сосѣдей. Фруктовый садъ и сосновый паркъ разбиты были въ англійскомъ стилѣ, вокругъ дворца и парка высилась массивная каменная стѣна съ башнями и бойницами...

Теперь все это лежитъ въ развалинахъ. Мѣстные хулиганы разворовали всю мебель въ стилѣ Людовика XV, выломали печные приборы, дверныя ручки и даже выставили рамы. Повсюду мерзость запустѣнія, по дворцовымъ заламъ и ходить опасно: хозяйственные мужички выломали полы и тихими стопами перетащили ихъ въ свои избы, на ихъ счастье въ запущенномъ дворцѣ нѣтъ никакого сторожа, а наслѣдники покойнаго графа живутъ за границей и лѣтъ 20 не заглядывали въ заброшенное имѣнье... Не то было 70 лѣтъ назадъ: графъ въ своемъ дворцѣ разыгрывалъ роль самодержавнаго монарха и не терпѣлъ никакихъ возраженій со стороны своихъ подданныхъ. У него въ имѣньи попомъ служилъ отецъ Семень, изъ крѣпостныхъ грамотеевъ. Однажды на Рождествѣ онъ пришелъ къ графу прославить Христа. Важный дворецкій торжественно провелъ оробѣвшаго священника въ парадную залу, тамъ отецъ Семень дрожащимъ голосомъ пропѣлъ „Христось рождается“. Хозяинъ по случаю праздника былъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа, поэтому онъ радушно сказалъ священнику: „Сядись, батя, къ столу, да разговѣйся, кстати и я выпью съ тобой рюмочку“. Отъ такого милостиваго приѣма отецъ Семень оконча-

тельно растерялся и, низко кланяясь графу, въ смущеніи пролепеталъ: „Покорнѣйше благодарю, ваше сіятельство, за вашу ласку, да только не пристало мнѣ попу, вахлаку, сидѣть ровней за однимъ столомъ со своимъ господиномъ: гусь свиньѢ не товарищъ“.

— „Ахъ ты, кутья прокислая, какъ ты осмѣлился обозвать меня, россійскаго графа, свиньей!“

— „Помилуйте, ваше сіятельство, я спроста сказалъ пословицу и себя самого примѣнилъ къ свиньѢ“.

— „Нѣтъ, пословица не мимо молвится: ежели ты свинья, то я, по твоему, выхожу опять же не графъ, а гусь лапчатый, одно другого стоитъ. Я не спущу такого оскорбленія, хоть ты и попъ, а не зазнавайся надъ россійскимъ графомъ“...

— „Смѣните гнѣвъ на милость, ваше сіятельство, языкъ мой врагъ мой... Самъ вижу: проштрафился, да что подвѣлаешь, конь о четырехъ ногахъ, да и то спотыкается“...

— „Ну, нѣтъ, жеребецъ долгогривый, ты отъ меня не отлягаешься, и на тебя узда найдется... Эй, Ванька, Васька, всыпьте попу сотню розогъ, чтобъ помнилъ субординацію“...

Напрасно отецъ Семень умолялъ о пощадѣ. Графскіе лакеи разложили несчастнаго іерея въ передней и отпустили сотню горячихъ. Послѣ экзекуціи графъ пожаловалъ своему духовному отцу золотой имперіаль и милостиво пошутилъ: „Ты, батька, слишкомъ рѣчиствъ, но... на свою бѣду ты позабылъ старинное присловье: ѣшь пирогъ съ грибами, а держи языкъ за зубами“...

А—вѣ.

